

АГРАРНО-ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ОБНОВЛЕННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Организационно- производственная школа русских экономистов- аграрников как эволюционно- историческое и этическое направление

Сельскохозяйственная экономия возникла в начале XIX в. в Пруссии как агрономическое осмысление и пропаганда (А. Тэер) рационализации земледелия в рамках крупного предприятия частнопредпринимательского типа и послужила Й.-Г. Тюнену, добавившему общеэкономический контекст условий транспортировки и сбыта, материалом для пионерного предельного анализа предпринимательской прибыли как остаточного дохода, вознаграждающего хозяина за несение бремени риска. Тюнен сформулировал и эволюционный подход к «коренным» системам полеводства по ступеням *интенсивности* (паровое трехполье, травосеяние и плодосмен).

Формы улучшенного севооборота утвердились раньше всего в южных Нидерландах (Кулишер 1915, стб. 178) и продемонстрировали особый эффект — рост урожайности зерновых культур в 2—3 раза — в Англии XVIII в., где усовершенствованные приемы земледелия вводили владельцы обширных ферм, укрупненных благодаря огораживаниям. Общеввропейским примером стали «норфолкские севообороты», основанные на добавлении к традиционным для европейской пашни озимым и яровым культурам (пшенице, ячменю и овсу) быстро растущих полевых растений вро-

де клевера и турнепса. В Пруссии замена *экстенсивного* средневекового трехполья и пастбищного скотоводства многопольем с травосеянием и стойловым скотоводством стала поводом для насильственного сокращения крестьянского землевладения в формах, получивших «грубое название *Вауернlegen*: этим словом обозначается известная операция, иногда проводимая над лошадьми» (Богданов, Степанов 1910, с. 298). Позже *многополье* было усовершенствовано добавлением в структуру хлебных полей корнеклубнеплодов — картофеля и сахарной свеклы (*плодосмен*) и улучшением почвы минеральными удобрениями (туками).

Многопольные системы, интенсифицируя земледелие *устранением* пара и утомления почвы, требовали крупных затрат труда и капитала (усиленная обработка земли, усиленный сбор трав, обширные постройки, дорогостоящие машины, разнообразные орудия и пр.). «Поэтому введение плодосмена делается возможным лишь при высоких ценах на землю, при сравнительной дешевизне капиталов и в особенности при наличии сбыта для всех разнообразных продуктов полеводства и скотоводства» (Карышев 1894). Отсутствие этих условий в России привело к тому, что в ее пределах плодосмен водворился лишь в остзейских и привислинских губерниях, когда он распространился уже во всей Западной Европе.

Первые русские курсы сельскохозяйственной экономики (А.П. Людоговского, А.И. Скворцова), читавшиеся в основанных вскоре после отмены крепостного права Петровской академии (Москва) и Ново-Александрийском институте (Варшава), были ориентированы на *крупное земледелие* «прусского» типа. Однако под воздействием А.И. Чупрова и его ученика А.Ф. Фортунатова в первом десятилетии XX в. кафедры сельскохозяйственной экономики повернулись лицом к потребностям мелкого крестьянского хозяйства и его кооперативного объединения, в чем по-новому обозначилось приоритетное внимание российской экономической мысли к *семейным формам производства*.

Если классическая английская политэкономия обобщила пример *развития крупной фермерской системы как прочного оплота высокого чистого дохода*, а марксизм предрекал неизбежное падение мелкого («парцеллярного») сельского хозяйства, то Чупров поставил вопрос об *устойчивости мелкого земледелия* и даже о его

возможном перевесе над крупным — при «планомерном проведении кооперативного принципа в соединении с организованной агрономической помощью». Основанием для такого вывода были успехи, достигнутые в континентальных странах Европы (Италии, Франции, Германии и особенно Дании), благодаря «солидарной⁷ ответственности» в сельском хозяйстве (земледельческие синдикаты, кооперативные товарищества) и вопреки мировому аграрному кризису 1874—1895.

Чупров указывал, что в Германии, где в начале XIX в. 30% пахотной площади находилось под паром («точь-в-точь как у нас»), к началу XX в. осталось менее 5%, тогда как более 18% были отданы под корнеклубнеплоды и свыше 10% под кормовые травы; причем немецкий крестьянин не отстает от крупных землевладельцев во внедрении травосеяния и плодосмена и в употреблении минеральных туков и добивается значительного повышения урожайности (Чупров 1907, с. 80).

Своего рода завещанием Чупрова — считавшего главными проблемами русского крестьянского хозяйства усиливающееся малоземелье, расширение пашни за счет прочих угодий, уменьшение скота, сокращение подушевого сбора хлебов, — стал его аграрно-кооперативный проект. Он включал предложения по выработке для каждой местности плана пригодных улучшений путем исследований на опытных полях и станциях и по организации разветвленной помощи сельским жителям от агрономических рекомендаций до кредита.

Чупров систематизировал отличия промышленного труда от земледельческого, определяющие ограниченное действие в сельском хозяйстве закона концентрации производства. Эту разработку продолжил А.Н. Челинцев, считавший, однако, что проекту Чупрова и осуществленному Фортунатовым сельскохозяйственному районированию России недоставало эволюционного подхода и понимания «социологического характера сельскохозяйственной экономики» (цит. по: Крамар 2004, с. 158).

7. Чупров тесно сотрудничал с известным французским экономистом Ш. Жидом — лидером «солидаристской социальной экономики» и немской школы кооператоров — вместе с которым читал лекции в Русской Высшей школе общественных наук в Париже.

При обосновании нового сельскохозяйственного районирования Европейской России, Челинцев принял критерием степень приближенности группируемых местностей к той или *иной* стадии аграрной эволюции по таким основным признакам, как 1) способы поддержания плодородия почвы; 2) доля пахоты относительно естественных кормовых угодий; 3) положение и роль нерабочего (продуктивного) скотоводства (Челинцев 1910, с. 17—19). Определяемая «генетическим» сочетанием признаков организационно-территориальная структура лежит глубже форм землепользования. Поэтому организованное воздействие на крестьянское хозяйство предполагает выработку мер, дифференцированных по районам с перспективной эволюции «в направлении к ближайшему более производительному типу организации» (Челинцев 2001, с. 12).

Эволюционный подход Челинцева к сельскохозяйственным районам как к группировкам местностей с различным сочетанием генетических признаков разных систем полеводства был дополнен в работах ученика Фортунатова А. Чаянова социологическим обоснованием особой природы крестьянского *семейно-трудового* хозяйства. Эта особенность заключается в том, что крестьянин как *хозяин-работник* руководствуется не мотивацией предпринимателя к максимизации чистого дохода, «а скорее мотивацией рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение работы» (Чаянов 1989, с. 203).

Установив категориальное своеобразие семейно-трудового хозяйства в статике и динамике, А.В. Чаянов впоследствии (1925—1927) разработал основы теории *некапиталистических систем хозяйства* и план «кооперативной коллективизации», существенно углублявший постановку вопроса о «третьем пути» развития между капитализмом и урбанистически-индустриальным социализмом. Процесс «кооперативной коллективизации» Чаянов представил как *эволюционное «отщепление»* от крестьянского хозяйства (и охват кооперированием) сначала операций сбыта и снабжения, затем механических процессов первичной переработки продуктов земледелия и животноводства и, наконец, процессов, связанных с пространством обрабатываемых земель.

Ближайший соратник А.Н. Челинцева и А.В. Чаянова Н.П. Макаров связал сложившееся вокруг них новое направление — назвав

его «организационно-производственной школой» — с новой социально-этической установкой в аграрном вопросе: примат производственного начала над распределительной справедливостью, интереса к внутренней организационной стороне жизни индивидуального крестьянского хозяйства над проблематикой социального расслоения и экономического противопоставления богатых и бедных; отказ от «социального умиления» деревенскими низами, «любование здоровым хозяйством» (Макаров 1918, с. 28 — 29).

«Организационно-производственная школа» была известна также как «неонародническое» направление; к сожалению, эта характеристика, брошенная Л.Н. Литошенко, в атмосфере 1920—30-х годы приобрела характер убийственного политического ярлыка. Но она верна в том смысле, что школа Челинцева—Чаянова на новом теоретическом уровне стремилась обосновать альтернативы в социально-экономическом развитии, связанные с поиском трансформации мелкого крестьянского хозяйства в кооперативный уклад при активной роли государства и интеллигенции⁸ (о преемственности старого и обновленного народничества см.: Рязанов 1998, с. 199).

Но в наиболее развернутой и яркой форме обновленное народничество как эволюционно-историческое и этическое направление предстало в работах Николая Петровича **Огановского** (1874—1938), близко стоявшего к «организационно-производственной школе» земского статистика, политического деятеля, кооператора, экономико-географа. Орус тагпим Огановского «Закономерность аграрной эволюции» (в 3 тт., 1909—1914) содержит наиболее масштабную в российской, и не только в российской, экономической мысли, историко-стадиальную концепцию форм хозяйства, превосходящую своим эвристическим потенциалом и схематизм германской исторической школы, и марксистский формационизм. Историзм был интегрирован Огановским в обоснование эволюционной тенденции к проявлению *преимуществ крестьянского хозяйства средних размеров* и реализации кооперативного идеала.

8. Макаров делал акцент на совместной работе интеллигенции со здоровым мужиком из средних слоев; план «кооперативной коллективизации» Чаянова предполагал параллельное кооперированию развитие электрификации, технических установок всякого рода, складской системы, дорожной сети — государственную помощь.

Н.П. Огановский: полемика с марксизмом и исторической школой

Хотя Н.П. Огановский и не совсем забыт, его имя не упоминается ни в курсах истории экономических учений, ни в много-томной антологии «Мировая экономическая мысль сквозь призму веков». Не вспомнили Огановского и во время обсуждения в Институте экономики РАН, посвященного 100-летию выхода книги Вл. Ильина «Развитие капитализма в России», хотя принципиальная полемика с этим автором открывает главный труд Огановского.

Книга Ильина «Развитие капитализма в России» стала «настоящим откровением» для части русской интеллигенции, которой из городских окон крестьяне казались «все на одно лицо». «И вот г. Ильин раскрывает перед изумленной интеллигенцией всю глубину «дифференциации» крестьянства» (Огановский 1909, с. 7). Но, жестко разделяя всех крестьян по величине наделов, посевов и скота только на 3 группы, Вл. Ильин слишком поспешно отождествил неоднородность крестьянской массы с «капиталистическим разложением» деревни, образованием в ней «антагонистических классов»: зажиточного (20%) и «несостоятельного» (50%).

Огановский усмотрел в статистических выкладках Ильина подгонку разнокачественного цифрового материала под априорное заключение о расслоении общины на «сельский пролетариат» и «сельскую буржуазию». Весь средний слой оказался сведенным к двухлошадным дворам, что было явным занижением его величины. Некорректной считал Огановский и региональную выборку Ильина: из 7 губерний, взятых за основу для выводов, 4 лежат на редко-населенных окраинах Европейской России и не дают типичных показателей для малоземельного великорусского центра (сам Огановский делал выводы на основании данных о 250 уездах 30 губерний). Наконец, хотя Ильин почти на каждой странице повторял слово «процесс», как раз процесс — динамику — он в результате упустил из виду, взяв только *статистику* распределения и оставив за скобками и установленную земскими статистиками тесную зависимость между размерами семьи и размерами хозяйства (между экономической и *органической* неоднородностью крестьянской мас-

сы), и исторически известный факт классового расслоения российской деревни в прошлом⁹ (Огановский 1909, с. 27).

Аграрники-марксисты в общем стремлении дать *теорию капиталистического развития России* словно «растащили» систему экономических отношений в сельском хозяйстве по 3 отдельным сферам: 1) распределение (Вл. Ильин), 2) «производительные силы» (П. Маслов), 3) обмен (П. Лященко). В полемике с ними Н. Огановский заострил свою работу против двух крайностей: 1) политического «построения априорных программ распределения» и 2) политико-экономического отождествления закономерностей развития промышленности с таковыми в сельском хозяйстве.

Лященко в своих «Очерках аграрной эволюции» (1908) признал возможность самостоятельной эволюции мелкого крестьянского хозяйства. Однако свел сущность аграрной эволюции к запоздалому сравнительно с индустрией «завоеванию капиталом» сферы сельского хозяйства, в котором «вторжение капитализма» еще далеко не завершило «разложения» натурально-хозяйственных форм. В результате вместо обобщенной теории аграрной эволюции у Лященко получилась история торговли зерновыми продуктами в России (Огановский 1909, с. 131). Особый упрек Огановского вызвало игнорирование Лященко кооперативного движения.

В противовес П. Маслову, ставившему знак равенства между развитием производительных сил и концентрацией производства ввиду неизбежности победы крупных предприятий не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, Огановский выдвинул обоснование различий в характере индустриальной и аграрной *интенсификации*. Первая выражается в относительном увеличении доли основного капитала: возрастании размеров предприятия и роли машин. В сельском хозяйстве переход от экстенсивных систем к интенсивным сопровождается увеличением доли *оборотного* капитала: удобрений и тщательности приемов обработки, в которой мелкое земледелие имеет преимущества перед крупным.

9. Число беспашотных бобылей во 2-й половине XVI в. и нач. XVII в. доходило до 40% и более от всего крестьянства (Огановский 1909, с. 131).

За игнорирование специфических особенностей развития сельского хозяйства Огановским были подвергнуты критике и схемы экономистов германской исторической школы, особенно Бюхера, как трижды неверная — по числу выделенных стадий:

1) понятие замкнутого *домашнего хозяйства* как первой ступени исторического развития не соответствует действительности: и в Европе — до возникновения феодализма¹⁰, и в Киевской Руси обмен был более развит, чем в последующие эпохи, и был *международным*;

2) ступень *городского хозяйства*, связанного с ремесленным типом индустрии, существовала в типичной форме *только* в Западной Европе;

3) народное и мировое хозяйство не может быть характеризовано удлинением пути от производителя к потребителю, которое в новейшую эпоху становится более присущим скорее движению сельскохозяйственных, а не промышленных продуктов.

Однофакторный подход, заданный принятым Бюхером стадийным критерием (эволюция форм обмена), помешал правильному взгляду на историческое развитие форм хозяйства, замазывая их своеобразие яркой краской индустрии, залившей экономическую жизнь Запада в XIX веке. Обосновывая в противовес однофакторному критерию «перехода от натурального хозяйства к меновому» *многофакторный подход* к хозяйственной эволюции, Огановский прежде всего указал на необходимость отличать эволюцию форм *производства*, зависящую от технических факторов, от эволюции *распределения* средств производства, на которую влияют политические и психологические факторы.

Эволюция индустрии началась с выделения ремесленников в особый профессиональный слой. Переход от ремесла к мануфактурному и машинному производству *технически* был связан с дифференциацией процессов обработки продукта, разделением труда на *совокупность простейших приемов*, которые могут быть механизиро-

10. Современные западные историки спорят о том, сколько миллионов или десятков миллионов серебряных монет было отчеканено в докаролингской и донорманнской Европе в годы правления того или иного короля (Нунан 2001, с. 23)

рованы, и дальнейшим переходом к *концентрации* разнородных автоматических приемов, производимых машинами на фабриках. Здесь Огановский целиком согласен с марксистской схемой обобществления труда. Но он акцентирует различие между процессом концентрации производства, являющейся оборотной стороны технической дифференциации труда, и процессом *концентрации капитала*, не являющейся результатом дифференциации класса ремесленников. «Небольшой по численности класс ремесленников, отчасти лишь поглощенный капитализмом», не играл значительной роли в концентрации капиталов: в сфере распределения не было той внутренней дифференциации, как в технической стороне производства; классы капиталистов и пролетариев образовались «не внутри класса ремесленников, а *над* ним и *под* ним» (Огановский 1909, с. 150).

Дальнейшая концентрация капитала в индустрии, по мнению Огановского, представляет собой не «двустороннюю дифференциацию» (т.е. социальную поляризацию), а «*одностороннюю подвигу вверх*»: преимущественное накопление капиталов в верхних слоях и увеличение социального расстояния между господствующим и рабочим классом при медленном и неровном повышении благосостояния последнего (относительное, но никак не абсолютное ухудшение положения пролетариата).

Переходя к эволюции форм предприятий в сельском хозяйстве, Огановский прежде всего указывает на три ее фактора: 1) *захватное землевладение* средних веков, обусловившее переход верховных прав на землю к привилегированным классам и соединение пользования землей с массой повинностей по отношению к этим классам; 2) раскрепощение; 3) заокеанская колонизация. Освобождение европейских крестьян, стряхнув с них солидную часть непроизводительных расходов, привело к процессу раздробления на мелкие хозяйства — преимущественно натурально-потребительного характера. Новая форма хозяйства чисто товарно-капиталистического типа средних размеров, народившаяся на арендованных территориях английских лендлордов, получила дальнейшее распространение благодаря колонизации просторов Северной Америки и Австралии потомками западноевропейских крестьян, не имевших поколений раззолоченных предков и потому умеренных в потребностях. На континенте Европы фермерские хозяйства тоже имеют-

ся, но в гораздо меньшем количестве; средние хозяйства во Франции, Германии, России относятся скорее к типу *крупнокрестьянских большесемейных* со значительными расходам на личное потребление (Огановский 1909, с. 161).

Противопоставив тяготение сельскохозяйственных предприятий к средним размерам тенденции к укрупнению фабрично-промышленных форм, Огановский подкрепил этот вывод систематизацией факторов аграрной эволюции, придавая главное значение *равновесию* количества населения и количества средств, доставляемых сельским хозяйством.

Общие закономерности аграрной эволюции: факторы и фазисы

Среди природных факторов Огановский выделил плодородие почвы, атмосферные воздействия, сезонность и пространство, которое часто нивелирует вредные стороны погодно-климатических условий¹¹ и при развитии транспорте дает возможность избегать голодовок. Среди внешних факторов человеческой деятельности, не относящихся непосредственно к самому сельскохозяйственному производству, но действующих на него помимо сознательной воли человека, главным остается рост и густота населения (сельского и городского) и его потребностей; важное значение имеют также степень культурности населения и его привычки в питании, формах расселения и землепользования.

Суммируя накопленный сельскохозяйственной экономикой опыт классификации систем полеводства, Огановский определил *три фазы* эволюции сельскохозяйственного производства по критерию повышения производительности земли и восстановления плодородия почвы:

1) доземледельческая фаза потребления даровых благ при-

11. «Вредная с точки зрения излишних затрат труда разбросанность общинных делянок бывает полезна в том случае, когда дождь, град идут, как говорится, полосой. Если одни делянки пропадают от засухи и выбиваются градом, то другие поливаются дождем и спасаются от града» (Огановский 1909, с. 168—169).

роды,

2) фаза **экстенсивного** земледелия с двумя периодами: 1 — *подвижным переложным* с расширением площади пашни по колонируемым пространствам и 2 — *оседлым трехпольным* с расширением посевов внутри пахотных угодий на ограниченной территории и *консервативным восстановлением плодородия* почвы;

3) фаза **интенсивного** многопольного земледелия.

Системы скотоводства Огановский также сгруппировал в три: пастбищные, переходные и стойловые. «Чем интенсивнее система скотоводства, тем ближе она соприкасается с системой земледелия» (Огановский 1909, с. 180).

Доземледельческое хозяйство основано на извлечении продуктов естественной производительности природы в лесных (охота, бортничество, речное рыболовство) и степных (тебеневочное кочевое скотоводство) районах. В первом периоде экстенсивного земледелия соха и плуг врезаются в девственную почву лесов и степей. Расчищенная вырубкой и пожигом лесов под пашню территория засеивается одним видом злаков и после сбора 2—3 урожая либо вовсе забрасывается, либо остается в качестве залежи («перележки», перелога) на 8—15 лет отдыхать. Отдыхающий от посевов перелог охватывает две трети всех пахотных угодий, дернеет и служит естественным регулятором плодородия почвы.

Когда пространство пашни уже ограничено, посевные площади расширяются за счет залежи, которая превращается из многолетней в однолетнюю и сжимается до трети пашни. На смену перелогу приходит *трехполье* с чередованием участков под озимые и яровые злаки и пар. При незначительности пара как естественного регулятора плодородия земля истощается, вынуждает к расширению площади пашни за счет *пастбищных* угодий для скота. Малая площадь естественных выгонов принуждает переводить скотину на стойловое содержание, загонять осенью в конюшни и хлева. Таким образом, *нарушается равновесие между земледелием и скотоводством*.

На этой ступени *консервативного восстановления плодородия* почвы сельское хозяйство Европы застыло на целое тысячелетие и составило базис феодального строя с крепостным правом. Равновесие между почти не растущим количеством продовольственных средств, доставляемых трехпольем, и количеством населения под-

держивалось в силу высокой смертности из-за войн, усобиц, эпидемий и ограничений на численность крестьянских семей, налагаемых крепостной зависимостью. Но раскрепощение вызывает резкий прирост народонаселения, который выбивает трехполье из многовековой колеи. Недостаток пропитания приводит к голодовкам и как следствие — к аграрным возмущениям и революциям: в середине XVII в. — в Англии, на рубеже 80—90-х годов XVIII в. — во Франции; в конце 40-х годов XIX в. — в Германии; в начале XX в. — в России.

Выход из истощающего землю трехполья достигается переходом на интенсивную фазу многопольно-травяного и плодосменного земледелия. *Пар исчезает, а структура* посевов меняется: к преобладавшим почти исключительно в экстенсивных системах злакам прибавляются кормовые травы, корнеклубнеплоды, бобовые, масличные. Плодородие почвы восстанавливается преимущественно *искусственным* путем — усиленным удобрением. При отсутствии паров и выгонов кормовые травы вместе с отбросами корнеплодов обеспечивают скоту пищу на круглый год; скот запирается в стойла и начинается эра его *качественного* улучшения — мясисти, молочности и т.д. Таким образом, при интенсивном земледелии *восстанавливается и обеспеченное обилием кормов скотоводство*, в свою очередь содействующее росту урожайности зерновых увеличением количества органических удобрений.

Выводы:

1. Один фазис вырастает в другой и постепенно вытесняет его; так, например, писцовые книги Московского царства (где впервые трехполье было зафиксировано в 1462 г.) отмечали три вида пахотных земель вокруг поселений: ближайшие, которые пахуются постоянно; затем переложные, которые пахуются не ежегодно; и отдаленные пашни «наездом» или «лесом поросло», которые пахуются изредка, случайно.

2. В отличие от эволюции промышленного производства, ведущей к *упрощению* приемов обработки и их сложной кооперации, эволюция сельского хозяйства сопровождается *усложнением*

севооборотов, приемов обработки и ухода за растениями и животными и внесения удобрений.

3. Мальтузианский «закон убывающего» плодородия сказывается только тогда, когда возможности наличной системы полеводства достигли предела, но она не заменяется своевременно другой.

Особо остроконфликтные проявления исчерпанности парового трехполья, принявшие форму революций, были вызваны тем, что на эволюцию систем земледелия наложились особенности эволюции *распределения* земли, обусловленные не столько экономическими, сколько политическими и психологическими факторами — расхождением с формами собственности хозяйственных форм, связанных непосредственно с условиями производства.

Становление феодальных отношений с их крупным помещичьим хозяйством, притянутым к монастырским стенам и феодальным замкам, происходило одновременно с переходом населения от подвижной переложной системы к оседлому трехполью; потребность монархов в подвижном классе профессиональных воинов диктовала привлечение на службу раздачей земель; образовалась лестница власти над землей и над сидящим на ней трудовым населением, которому вменялось в обязанность «кормление» военно-служилого класса, становившегося и классом крупных землевладельцев.

Сельская община первоначально, по мнению Огановского, складывалась на земельном просторе, но когда возможности экспансии перелога были исчерпаны, а политический фактор обусловил *одностороннюю подвижку вверх* — концентрацию земли в высших слоях, «утесненная» община выработала уравнительно-передельный механизм, и крестьянское землепользование застыло в подворно-череполосной форме на тысячу лет. Общинные леса и выгоны постепенно сокращались в силу, с одной стороны, расширения пашни под трехполье, с другой стороны — захватов феодалов. С развитием городов и оживлением торговли, особенно международной, феодальные землевладельцы из «пожирателей ренты», нередко не очень значительной, стали отчасти превращаться в предпринимателей; этому способствовала реорганизация военного дела с заменой ставших ненужными рыцарей ландскнехтами (наемниками). Исчезновение политического феодализма и формирование абсолютизма с превращением дворянства в придворную знать сопровождалось

развитием крупнопоместного хозяйства — в форме английского лендлордизма со стадом крестьян с земель ради разведения овец для экспорта шерсти или восточноевропейского магнатства с отягощением крестьян барщиной ради наращивания экспорта зерна.

Крупнопоместное хозяйство, обогащая своих владельцев, усугубляло трудности населения, связанные с истощением экстенсивного земледелия. Дворяне кое-что сделали для перехода к интенсивным системам земледелия, особенно в Англии, но в целом преобладало уже явно недостаточное для прокормления возросшего населения экстенсивное трехполье: еще в начале XIX в. треть пашни во Франции и более четверти в Германии находилась под паром; значительные площади были отведены под охотничьи парки и т.п.; господские имения изобиловали лугами и прочими необрабатываемыми угодьями и т.д. Это не могло не повести к возмущению народных масс, их стремлению отвоевать земли у господствующих классов, когда население стало быстро возрастать; крестьянам земля была нужна для прокормления, а не для того чтобы разводить куропаток или мериносов.

Революционные потрясения в Европе конца XVIII в. и 1848 г., влияние агрохимии и импорт продовольствия с освоенных заокеанских земель имели два важнейших последствия для сельского хозяйства Западной Европы. Для эволюции систем полеводства — постановка интенсивных севооборотов; для эволюции *распределения* земли — прекращение давления политических факторов на тенденцию нивелировки размеров хозяйств, «стягивания к середине». В течение столетия урожайность повысилась в среднем в 2—2,5 раза (после почти 1000-летнего колебания вокруг одного и того же уровня); вместо однообразных многокилометровых пшеничных полей «каждое поле представляет из себя шахматную доску, покрытую пестрыми разноцветными культурами. Исчезают резкие подъемы и падения урожая, человек перестает зависеть от капризов климата и вместе с этим избавляется от страха голодовок» (там же, с. 293).

Вывод об упрочении позиций среднего сельского хозяйства Огановский делал на основании статистических данных о трех крупнейших западноевропейских странах и объяснял прекращением давления прежних политических факторов в пользу крупного нетрудового хозяйства и переходом борьбы между неравномерными

формами землевладения в чисто экономическую плоскость, где среднее хозяйство имеет перед крупным преимущества в тщательности обработки и экономии на *сокращении пространства*, а перед мелким — в рациональном использовании машин, доступности разнообразия культур и экономии на непроизводительных расходах.

Однако, в отличие от собственно сельского хозяйства, где средние предприятия, должны, по мнению Огановского, реализовать свои преимущества в интенсивности и выгодности, техническая *переработка* сельскохозяйственной продукции и *элементы обмена* (кредит, сбыт, покупка) требуют *массовой постановки дела*. Здесь на борьбу с крупнокапиталистическими предприятиями этого типа выступила *кооперация*, сделавшая значительные успехи в Европе, начиная с 1880-х годов, особенности в кредитной и сбыто-снабженческой сфере. В области переработки сельскохозяйственной продукции кооперация завоевывала преимущественно молочное хозяйство, сделав, например, Данию «страной крестьянских товариществ» — неплохим образцом для идеала *среднего кооперативного хозяйства*, соединения в одну группу нескольких или нескольких десятков индивидуальных хозяйств.

Эволюцию распределения земель в XX в. Огановский прогнозировал, исходя из *демократизации* в Западной Европе *парламентарного законодательства* и завоевания крестьянством при помощи *кооперации* денежного капитала и кредита, доступного ранее только крупным владельцам. Эволюция форм *производства* в сельском хозяйстве в этих условиях будет, в отличие от промышленности, сопровождаться более *соединением*, чем разделением труда (здесь Огановский спорил не только с политэкономической постановкой *аграрного* вопроса, но и с общим философско-позитивистским (спенсерианским) определением *эволюции* как процесса органического саморазвития посредством дифференциации и перехода от бессвязной неопределенной однородности к связной определенной разнородности).

Что касается России, то, осуществляя поверку теории аграрной эволюции географией российских пространств, Огановский синтезировал обеспокоенность русской агрономической мысли рубежа веков консервацией «выбалтывающего землю трехполья» и отставанием от Запада в переходе к интенсивным формам земледелия с ос-

мыслением историками и политэкономами *колонизации* как главного геополитического фактора русского экономического развития.

Геополитическая экономия России — «живая история» стадий аграрной эволюции в пространстве

В.О. Ключевский в «Курсе русской истории» (1-й т., 1904), завершая начатое С.М. Соловьевым и А.П. Щаповым исследование пространственной обусловленности исторической жизни России, дал хрестоматийную характеристику «периодов русской истории как главных моментов колонизации».

Вслед за Ключевским и Огановский выделил пять периодов русской истории, конкретизировав их по типам полеводства и распределения земель (Огановский 1911, с. 24—25):

1) киевский период преимущественно лесопромышленного хозяйства, в которое постепенно вращается экстенсивное переложное земледелие, — период первоначального накопления *движимых* капиталов в руках господствующих классов;

2) верхневолжский период хозяйственного поворота под давлением внешнеполитических факторов в менее благоприятную сторону; сдвиг в сторону подавляющего преобладания земледелия, а в самом земледелии постепенная замена перелога трехпольем; в сфере распределения — переход господствующих классов от захвата движимого имущества к *земельному захвату*;

3) московский период рассеяния экстенсивного земледелия по вновь колонизованным территориям Поволжья и Прикамья; в сфере распределения — *раздача* земель сверху господствующему военно-служилому сословию, закрепощение; окончательное обособление замкнутых сословий крестьян и нетрудовых землевладельцев;

4) имперско-дворянский период заселения нового (второго) колониационного пояса (Новороссия и Нижнее Поволжье) и концентрации крупного землевладения во многом на почве фаворитизма, создания крупного товарного *помещичьего* хозяйства;

5) современный период падения трехполья, «дошедшего до

своего конца в центральных районах», начало вступления в интенсивную фазу, сопровождаемое политической борьбой за землю, исчезновением сословных перегородок; продвижение в третий колонизационный пояс — на Северный Кавказ, в Сибирь и Среднюю Азию.

«Самобытность» русской истории и в сфере сельскохозяйственного производства, и в отношении распределения выразилась, главным образом, в *неограниченном просторе земель* и в постепенной их колонизации, в силу чего аграрная эволюция Россия переживает те же три фазиса, что и в Европе, но с растянутостью на дополнительные периоды. Колонизационный размах, разреживая население и создавая вовлечением новых и часто более производительных почв широкие возможности для экстенсивных форм, дает «попятный ход» эволюции земледелия — с возвращением к залежи и задержкой расставания с трехпольем. В результате различные районы Российской империи образовали как бы лестницу разных ступеней земледелия — от целинно-залежной в прикаспийских губерниях, где гулевой скот бродил и размножался на просторе степей, до европейски-плодосменной в Привислинском и Остзейском краях; основная же часть доуральской России пришла к «перепаханности» угодий под экстенсивное зерновое трехполье.

Но кроме фактора обширной внутренней колонизации на аграрную эволюцию России особый отпечаток наложил и фактор внешнего рынка, особенно в XIX веке, когда пшеница и ячмень заняли доминирующее положение в русском экспорте.

Для производства на рынок выгоднее засеять всю площадь одним злаком. Торговый капитал брался охотно лишь за сбыт тех продуктов, которые не требовали забот и расходов по хранению и первичной переработке. Не считаясь с рациональностью использования почв, требующей разнообразия культур, внешний рынок стимулировал развитие истощавших почву однотонных пшенично-ячменных посевов. В районах Черноморско-Каспийского кольца — Новороссии, Нижнем Поволжье и Северном Кавказе — посевные площади в конце XIX в. — начале XX в. быстро росли и давали с каждой десятины в 2—3 больше валового сбора, чем в остальной России. Но эти результаты достигались за счет убыстренного развития хищнического зернового хозяйства, основанного почти исключительно на выращивании двух злаков — пшеницы и ячменя — с ориентации

ей на мощное расширение внешнего сбыта.

Небывалый нигде в Европе засев более 90% площадей одними зерновыми культурами все более нарушал неравновесие между земледелием и животноводством, отмеченное еще в XVI в. современниками победы трехполья¹², — отбирая у скотоводства¹³ не только ячмень, но и ценные концентрированные корма (жмыхи). Результатом стало известное *оскудение центра*¹⁴ — более низкое плодородие земли в центральных губерниях сравнительно с окраинами: западными — где уже осуществлялся переход к европейски интенсивным системам земледелия; восточными и южными — где при редком населении естественные богатства почв и простор *еще* позволяли использовать залежную систему. Таким образом, «на верхнем и нижнем концах той лестницы аграрной эволюции, ступеньками которой являются отдельные области России, мы находим, сравнительно со серединой, более высокую производительность труда». В центре же далеко зашло несоответствие быстрым ростом населения за полвека после отмены крепостного права и отсталой системой земледелия — этой несчастной «трехполкой» (Огановский 1914, с. 13).

Огановский отмечал, что уплотнение земледельческого населения стихийно подталкивает крестьян к ломке старых способов хозяйствования: «концентрическими кругами, от соседа к соседу, от деревни к деревне» распространяются удобрения, усовершенствованные орудия, травосеяние, введение в севооборот корнеплодов — «обрывки интенсивной системы хозяйства». Но «самой системы еще нет», одними своими силами крестьяне создать ее не способны. Необходима помощь в составлении *«организационного плана крестьянского хозяйства»* со стороны интеллигенции, на которую также возлагается задача «не только организовать сбыт там, где он еще не налажен, но и вступить в борьбу с армией паразитарных посред-

12. «В русийстей земли ни злато, ни серебро не ражається, ни величьи скоти», — писал известный публицист XVI в. Ермолай Еразм.

13. К концу XIX в. было отмечено измелчание или вовсе исчезновение некоторых известных российских пород крупного рогатого скота (Энгельгардт 1899).

14. «Летописцем» этого оскудения стал сын разорившегося тамбовского помещика С.Н. Терпигорев (1841—1895), чьи очерки (под псевдонимом «Атава»), напечатанные в «Отечественных записках», вызвали широкий отклик и вышли отдельной книгой (Терпигорев 1881).

ников в сфере сбыта, уже организованного хищническим торговым капиталом» (там же, с. 16). Если к этим усилиям добавить «оборудование транспортного дела» правительством, можно изменить структуру экспорта в пользу интенсивных культур и продуктов животноводства; тогда мировой рынок может стать не помехой, а подмогой рационализации российского земледелия.

Концепция устойчивого развития производительных сил

Н.П. Огановский вместе с лидерами организационно-производственной школы разделил активное участие в Лиге аграрных реформ 1917 г., неприятие Октябрьского переворота и последующее сотрудничество с Советской властью, «отблагодарившей» выдающихся экономистов процессом ТКП. Десятилетие деятельности как «спеца» — сотрудника Наркомата земледелия и профессора МГУ и ряда экономических вузов, отмечено смещением интересов Огановского в область экономической географии. Смещением, несомненно, идеологически вынужденным, но позволившим теоретик-у аграрной эволюции еще раз (точнее, не раз) сжато изложить свои выводы уже с оглядкой на опыт революций 1917 г. и предшествовавшего им землеустройства, наиболее отчетливо — в книге «Сельское хозяйство, индустрия и рынок в XX веке» (1924).

Итогом стала оригинальная концепция *устойчивого развития производительных сил*, выведенная Огановским из сравнительно-исторического анализа агротехнологических условий Запада и России. Она на десятилетия опередила международные дискуссии 1960—1970-х годов о самоподдерживающемся (*sustainable*) экономическом росте, инспирированные появлением теории стадий роста У. Ростоу, и экологически окрашенную формулу *устойчивого развития* (*sustainable development*), вошедшую в обиход после Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992).

Устойчивое развитие производительных сил, по Огановскому, — результат превращения односторонне-земледельческого народного хозяйства в *двустороннее аграрно-индустриальное* на основе преобразования сельского хозяйства также в двустороннее

сочетание интенсивного многопольного земледелия и продуктивного мясо-молочного животноводства.

В современных выражениях: структурный сдвиг в сельском хозяйстве в сторону продуктивного животноводства благодаря переходу к интенсивному земледелию (травосеянию и плодосмену) создает предпосылки для индустриализации — структурного сдвига в хозяйстве в целом в сторону промышленности и тем самым — перехода от простого к расширенному воспроизводству в масштабах народного хозяйства.

Интенсификация сельского хозяйства и индустриализация осуществляется через прямые и обратные связи «развития рыночности» (Огановский 1924, с. 10): многополье дает продукты либо для продажи в качестве промышленного сырья (свекла и картофель — на сахарные, винокуренные и крахмальные заводы) либо для откорма скота (кормовые травы, бобовые, турнепс, свекловичный жом); скот благодаря увеличению количества кормов становится объектом селекции (50-пудовые свиньи, высокоудойные коровы и проч.) и источником товарной мясо-молочной продукции для растущего промышленного населения городов; город с его индустриальными предприятиями поглощает избыточное сельское население и, предъявляя растущий спрос на продукцию плодосменного земледелия, дает необходимые для интенсификации усовершенствованные сельхозмашины, искусственные удобрения, развитую транспортно-складскую сеть, кредит и т. д.; чередование посевных культур позволяет избежать «выбалтывания» земли, а применение минеральных туков — повысить ее плодородие; обеспеченное обилием кормов скотоводство, в свою очередь содействует росту урожайности зерновых увеличением количества органических удобрений.

Охарактеризованный Н.П. Огановским процесс связанного роста интенсивного сельского хозяйства, «рыночности» и индустрии, имевший принципиальное значение для отрыва западной индустриальной цивилизации от остального мира, проигнорирован во всех советских и постсоветских курсах экономической истории, а в единственном переводном сведен к одному абзацу (Камерон 2001, с. 208—209).

Но в конце XX в. молодой экономист С.В. Онищук, не зная

о работах Н.П. Огановского, обосновал типологию общественного воспроизводства, включая типологию моделей индустриального роста (синхронная, структурно-адаптационная, форсированная), исходя из различий (определяемых в конечном счете природными условиями) систем земледелия по степени *интеграции с животноводством*. Онищук предложил новый цивилизационный подход как критический пересмотр формационизма Маркса с учетом следующих положений:

1) первостепенное значение долговременных тенденций интенсификации сельского хозяйства сравнительно с характером отношений собственности;

2) определяющее влияние плотности населения на переход от менее интенсивной системы земледелия к более интенсивной;

3) «отщепление» достаточного количества рабочей силы от земледелия как важнейшее условие перехода к индустриальному типу производительных сил, к капиталистической формации;

4) степень интеграции животноводства в сельскохозяйственную систему как критерий того ускорения роста производительных сил, которое в итоге позволяет при умеренном увеличении трудозатрат существенно увеличить производство в сельском хозяйстве и направлять непрерывно возрастающее число работников в промышленные отрасли;

5) уникальность умеренно-климатического пояса Европы для создания предпосылок интеграции земледелия и животноводства, обусловившей успешный переход от классического трехполья к травополью и плодосмену и тем самым — начало развития капиталистических отношений на основе высвобождения работников из аграрного сектора и их поглощения промышленными отраслями, в том числе производящими средства производства.

С.В. Онищук строил свою модель «преодоления компенсационного барьера для увеличения доли несельскохозяйственного населения», опираясь на работы датской исследовательницы Э. Босеруп и англо-американских историков-экономистов. Но нетрудно видеть, что полученные результаты повторяют ключевые выводы теории аграрной эволюции Н.П. Огановского, сделанные еще в начале

XX в.¹⁵

Придавая, как и Огановский (и в отличие от Маркса) ключевое значение росту плотности населения, Онищук ввел понятия гравитационного коллапса и демографического коллапса, связывающие с динамикой народонаселения и подушевой производительности то, что принято называть центростремительными и центробежными политическими тенденциями.

Аграрное перенаселение — со снижением земледельческого продукта на душу населения по мере сокращения обрабатываемой площади в расчете на работника — влечет за собой снижение удельного веса неземледельческого населения. Политическая власть отвечает на это ограничением свободной торговли зерном и таксированием цен, регламентацией ремесла, истреблением части знати и крупных торговцев с конфискацией их земель и капиталов, сменой рыхлой феодально-клановой структуры жесткой социальной пирамидой. Разновидностями гравитационного коллапса можно считать образование единых государств-деспотий в Индии и Китае, переход Римской республики в империю, установление католического абсолютизма в Испании, режима Токугава в Японии.

Гравитационный коллапс тормозит рост населения и стабилизирует подушевое потребление, но новое повышение численности населения ведет к обнищанию, а государственное (через рост налогов) перераспределение зерна в пользу неземледельческих сфер (ремесло и управление) — к социальному недовольству и восстаниям. Если карательный аппарат ослаблен снижением силы и довольствия ввиду недостатка средств, централизованная государственная структура распадается; население сокращается вследствие голода и междоусобных войн — происходит демографический коллапс, «сбрасывающий» весь прирост населения (до 40% от общей численности).

Такие коллапсы, выражающие присущую докапиталистических обществ тенденцию *циклического развития расширенного воспроизводства*, неоднократно происходили в Китае, Индии,

15. Вывод о степени интеграции животноводства в земледельческую систему как критерии прогресса производительных сил был обоснован также в незавершенной работе одного из основателей советской экономической географии Н.В. Морозова (1893—1949).

Средиземноморье, сопровождаясь, как правило, опустошительными нашествиями кочевых народов. Коллапсы особого характера с незавершенной «ползучей деспотизацией» и подрывом экосистем происходили в тропическом поясе. В ходе демографического коллапса XIV—XV вв. н.э. Византийская империя распалась и была завоевана кочевниками-турками, в результате чего возникла Османская империя.

Северо-Западную Европу миновал гравитационный коллапс, поскольку с наступлением пашни на пастбище гораздо большая роль скота при трехполье, чем при двухполье и трудоинтенсивном земледелии, привела сразу к демографическому коллапсу (так называемая «черная смерть» — общеевропейская эпидемия чумы в середине XIV в.). Его последствия в Северо-Западной Европе кардинально отличались от последствий, имевших место в субтропической полосе. Сокращение населения привело к увеличению количества как земли, так и скота, на душу населения. Сокращение потребностей в продовольствии позволило выделить часть пашни для выращивания овса для лошадей. Внедрение лошади, в свою очередь, позволило значительно увеличить обрабатываемую площадь в расчете на хозяйство. Но в большинстве областей скота было все еще недостаточно, вновь начиналось наступление пашни на пастбище, приведшее к падению урожайности и новому демографическому коллапсу в XVII в., сильнее всего поразившему Германию.

В России гравитационный коллапс в XVI в. проходил в условиях перехода от залежных систем к трехполью и завершился в начале XVII в. демографическим коллапсом (Смутное время). Однако не произошло высвобождения скота вследствие недостаточности его поголовья. В дальнейшем происходило неуклонное наступление пашни на пастбище, однако этот процесс в сильной степени замедлялся миграцией населения на обширные неосвоенные территории.

Природным преимуществом берегового кольца вокруг Северного моря Европы (Англия, север Франции, Нидерланды) — было наличие условий для содержания скота: обилие естественных пастбищ и длительный безморозный период, в течение которого скот можно было пасти, не прибегая к заготовке кормов. Поэтому именно в этом регионе стал впервые возможен переход к поступательному расширенному воспроизводству, характерный для запад-

ной цивилизации (Онищук 1995, с. 32)

В концепции Н.П. Огановского структурная сбалансированность земледелия, животноводства и городской индустрии, при которой они стимулируют друг друга, подразумевает не только самоподдерживающийся экономический рост, но и восстановление и умножение (а не истребление как даровых запасов) используемых человеком трех органических благ природы — флоры, фауны и почвы.

Огановский, однако, не учел, что переход к устойчивому экономическому росту будет сопровождаться опережающим потреблением органических благ (особенно древесины) *промышленностью* и еще более стремительным расходом неорганических благ (цикл «добыча — производство»), что приведет к беспрецедентному скоплению отходов и токсичности человеческих и природных местообитаний; загрязнению окружающей среды и уменьшению видового разнообразия будут способствовать также минеральные удобрения и химикаты, которые позволяют существенно увеличить плодородие почвы и урожайность сельскохозяйственных культур (Гарднер, Сампат 2000).

Тем не менее заслуживает быть отмеченным внесение *экологического* момента («защита органической деятельности природы») в этическую составляющую эволюционно-исторической концепции: «Мы считаем с *общенародной* точки зрения недопустимым хищническое истребление лесов по берегам реки, или рыбы в реках, или плодородия почвы в целинных степях, все равно, расхищают ли это общенародное достояние крестьяне или капиталисты»; «безусловно важен тот факт, что запасы природных благ — величина *ограниченная* и поддающаяся уничтожению» (Огановский 1911, с. 565). Огановский даже наметил своеобразный интегральный критерий прогресса хозяйственной деятельности человека — способность содействовать природе в производстве благ (там же, с. 567).

Как идеолог обновленного народничества, Огановский наряду с экономистами организационно-производственной школы стремился обосновать продолжение аграрной эволюции в формах, отличных и от принудительного государственного коллективизма, основанного на догме концентрации, и от капиталистического агробизнеса с его подчинением сельскохозяйственного производителя господству крупных посреднических и инфраструктурных фирм.

Причем Огановский был прав в обосновании критерия аграрно-индустриального прогресса: интенсивные системы, *интегрирующие* обработку земли и животноводство (Ван дер Вее 1994, с. 71—72). Однако он не смог предвидеть развития форм малой механизации, преодолевших ограничения для роста крупных хозяйств, а также масштабов химизации, фабрикации комбикормов, разработки высокоурожайных сортов семян в научно-исследовательских центрах. Все эти элементы «аграрной революции» XX века, предопределили ведущую роль в ней высококонцентрированного постоянного капитала, а не связанного с «оживлением» труда переменного капитала, как предполагал Огановский.

Критика столыпинской реформы

Общетеоретическая по своему содержанию концепция Н.П. Огановского вывела на новый уровень поиски российским народничеством преобразования традиционалистских форм хозяйства «с использованием *«мягкой технологии»* их переадаптации к условиям рыночной экономики» (Рязанов 2003, с. 156). На основе эволюционно-исторической концепции были проанализированы препятствия для интенсификации земледелия в России, где удерживала свои позиции «несчастливая трехполка», и аграрное перенаселение привело не только к беспорядкам 1902 г. и революции 1905 г., но и к великим потрясениям и катастрофам 1917—1922 годов.

Реформа 1861 г. вместе с урезанными наделами дала простому народу свободу плодиться и множиться. Задерживаемый крепостным правом естественный прирост после реформы удвоил население за 50 лет. Но производительность земли за это время почти не развивалась, относительно слабо эволюционировала и индустрия, и города не могли поглотить и десятой доли прироста сельского населения, в основном оставшегося на той же самой земельной площади, которая должна была теперь прокормить удвоенное количество населения.

Отсюда — предельная острота для крестьянской массы вопроса о земельной *прирезке*, которая в действительности при сохранении старого трехполья не была выходом из тупика. «Элементар-

ные расчеты показывают, что даже доведение крестьянских наделов до потребительных норм, при экстенсивном хозяйстве, поглотило бы почти целиком весь фонд удобных помещичьих, казенных, удельных и монастырских земель» (Огановский 2001, с. 41). Но крестьяне, в подавляющем большинстве своем лишенные знаний и капиталов, необходимых для интенсификации хозяйства, единственное средство создать себе мало-мальски сносную возможность существования крестьяне видели в прирезке земли.

В конце XX и начале XXI в., когда число апологетов Столыпина множилось в большей прогрессии, чем русское крестьянство столетием раньше, малоземелье того времени было объявлено «мифом», созданным большевиками и вообще левыми партиями (см. по этому поводу: Гловели 2006). Но тогдашнее «всеобщее ощущение острого крестьянского малоземелья» объединяло представителей не только левых, но отчасти даже правых направлений, отразившись в многочисленных книгах и брошюрах по аграрному вопросу, сводимых к схеме: крестьяне бунтуют, потому что они голодны, а голодают они потому, что у них земли мало.

Вопрос был закрыт, после того как за проект передачи крестьянам части помещичьих имений лишился своего поста главноуправляющий землеустройством и земледелием в 1905—1906 годы Н.Н. Кутлер, и была дважды разогнана Государственная дума, где громко звучали голоса крестьянских депутатов (вовсе не революционеров).

Призванный во власть П.А. Столыпин сделал ставку «на сильных» — на разрушение общины и отслаивание от крестьянства класса сельской буржуазии, который мог бы служить опорой для правительства и оплотом против недовольства остальной крестьянской массы, направленного до сих пор исключительно на помещиков. Министерство Столыпина «спроектировало комбинацию, удовлетворяющую и его собственным политическим интересам, и назревшим хозяйственно-экономическим нуждам страны» (Огановский 2001, с. 43). Пренебрегая заботой о слабых элементах крестьянства, до тех пор являвшейся основной идеей большинства общественных направлений, оно озаботилось созданием значительного по величине, политически консервативного и экономически сильного

класса собственников-хуторян.

Огановский показал односторонность расхожих мнений как противников, так и сторонников общинного землевладения. Первые игнорировали факты, свидетельствующие о возможности улучшений — вплоть до коренной реорганизации системы полеводства или трансформации севооборотов — в рамках общины и о том, что прогресс сельского хозяйства не задается формами земельной собственности, а связан с глубже лежащими факторами уплотнения и социокультурного развития населения. Вторые были неправы в том, что община препятствует расслоению крестьян — в действительности она включает в себе целую гамму дворов различной экономической силы, безлошадных и многолошадных, нанимающих батраков и идущих в батраки; массовые статистические цифры не дают указаний на меньшую расслоенность общинников сравнительно с подворниками. Что касается наиболее острого аргумента с обеих стороны — чересполосицы, то она обусловлена более не общиной, а деревенской формой поселений как таковой — с дальностью полос, избавиться от которой можно только путем расселения больших деревень — единоличного (хутора) и группового (отруба).

Огановский соглашался с тем, что хуторизация является самым радикальным средством уничтожения не только вредной, но и всякой чересполосицы, и с технической точки зрения, хутора там, где они возможны, почти совершенная форма землеустройства. Но распространение ее наталкивается на существенные ограничения — особенно географические, связанные с доступностью к источникам воды и дорожной сети.

Акцентируя значение этих ограничений, Огановский ссылался на главного иностранного советника при проведении землеустройства — датчанина Кофода — и на самого Столыпина.

Все страны процветающего хуторского расселения — Дания, Швеция, США, Канада — страны многоземельных крестьян. На трех десятинах хутора завести нельзя. «Недаром во всех районах расселения в России говорят, что переход к хуторскому хозяйству не помогает малоземельным, недаром законодательства скандинавских стран, поощряя расселение, позаботились о предоставлении возможности малоземельным оставаться в селениях», — отмечал А.А. Кофод. «Словом, массовое расселение на хутора, — добавлял от

себя Н.П. Огановский, — у нас, как и везде, требует «прирезки земли», которую с таким негодованием отвергло наше правительство» (Огановский 2001, с. 52—53). Немецкие колонисты-меннониты устроили высокоурожайное хуторское хозяйство в Самарской губернии — но у меннонитов, в среднем, 93 десятины на семью — в 18 раз больше, чем у русских крестьян той же губернии.

Обладая порядочными капиталами, меннониты смогли обеспечить и главное естественное условие хуторизации — обводнение угодий. «Хуторское расселение всецело зависит от условий водоснабжения», — цитирует Огановский никого иного, как Столыпина; без воды хутора абсолютно невозможны, а при малых колодцах обречены на жалкое существование. Потребность в воде увеличивается с интенсификацией земледелия — гуще и выше растут полевые культуры, поглощающие почвенную влагу; «хуторизация без достаточного орошения возможна в сухих районах только на больших площадях и при чисто зерновом (хищническом) хозяйстве, которое через несколько лет, или — на лучших почвах — через несколько десятилетий — истощит землю и приведет к необходимости переселиться на новые места или создать гигантскую систему орошения» (Огановский 1917, с. 38).

В этом выводе Огановского¹⁶ — и критерий взвешенной оценки «административного восторга», проявленного при поспешном и насильственном насаждении «стольпинских» хуторов¹⁷, и предвосхищение возникших уже во второй половине XX в. проблем из-за пагубного сокращения чистых паров в главных житницах Советского Союза — зонах недостаточного увлажнения — проблем, обеспечивших СССР печальное лидерство в импорте зерновых.

Эволюционно-историческая концепция Огановского — предостережение от новых попыток вывести сельское хозяйство страны из обусловленного природно-климатическими и долгосрочными историческими факторами состояния за счет «единоспасающих лозунгов» — будь то стольпинская хуторомания, ленинский «кооперативный план», вильямсовское травополье, хрущевская кукуруза

16. Почему-то опущенном при переиздании работы «Разрушение общины» в 2001 г.

или гайдаровские посулы от «полноценного земельного рынка».

Заключение

Творчество создателей всех рассмотренных выше историко-стадиальных и эволюционных концепций пришлось на своеобразный «переходный период» 1890—1920-х годов, когда происходили необратимые перемены в понимании предмета экономической науки. На Западе завершилось его кардинальное «неоклассическое» микроэкономическое переосмысление; в СССР окончательно утвердилось господство марксистско-ленинской идеологии в воинствующем изоляционистском варианте, позволявшем дальнейшее развитие политической экономии и экономической истории только в рамках догматизированного формационно-классового подхода.

Крушение вместе с распадом СССР марксистско-ленинской идеологической и методологической платформы привело к экспансии западного мейнстрима и нового институционализма с неизбежной разногласией по поводу соответствия российским реальностям и традициям импортируемого аналитического инструментария. Наименее проясненными являются вопросы о современном содержании политэкономии и об оценке российской экономической мысли в мировом контексте.

На наш взгляд, областью, способной прояснить эти вопросы, может стать *теория экономической истории*. Известный труд на указанную тему одного из создателей «неоклассического синтеза» Дж. Хикса очерчивает фундаментальную дилемму: экономическая история является историей специализации в смысле как специализации самой экономической сферы, так и отделения ее от других видов деятельности; но при этом решает задачу «обнаружить линии

17. «Хутору нужен выход к воде. Это можно обеспечить в северо-западных губерниях. Но большая часть европейской России засушлива и маловодна. Каждый хутор прилепить одной границей к речке или пруду невозможно. Бурить артезианские колодцы крестьянам не под силу. Да и надо знать, где бурить. Но инструкции первых лет реформы упрямо твердят: «Наиболее совершенным типом земельного устройства является хутор». И исполнительные чиновники нарезают хутора в безводных заволжских степях. Инструкция выполнена, а там хоть трава не расти» (Дякин 1990, с. 120).